

9 мая Булату Окуджаве исполнилось бы 80 лет. Завтра, 6 мая, в Центральном доме литераторов в 19.00 начнется фестиваль «...И из собственной судьбы я выдергивал по нитке», в котором примут участие Белла Ахмадулина, Александр Городницкий, Инна Лисянская, Фазиль Искандер, Евгений Рейн и другие хорошие люди. А 8 мая Дом-музей в Переделкине, куда можно проехать с Киевского вокзала до станции Мичуринец, приглашает всех желающих на «Булатову субботу». В 19.00 там состоится презентация компакт-диска Галины Хомчик «Песни Булата Окуджавы», в 20.00 – концерт с прямой трансляцией на телеканале «Культура». Художественный руководитель – Сергей Никитин.

Накануне всех этих и других юбилейных торжеств мы встретились с вдовой Булата Шалвовича Окуджавы.

– Ольга Владимировна, Булат Шалвович воспел Москву, как, пожалуй, никто другой. Давайте вместе пробежимся по московским адресам Окуджавы. И по тем, которые он воспел. И по другим, которые воспеть не успел. Во-первых, Арбат, конечно.

– Знаменка, Коровий Вал, Бождомка, Остоженка – он любил все эти старые названия даже тогда, когда они назывались улицами Коминтерна и Метростроевскими. Булат Шалвович был влюблен в старую Москву с ее бульжными мостовыми, по которым он истрепал много пар башмаков. Вся Москва была символом его поэзии. А вот как раз Арбат в конце жизни его очень разочаровал. Он очень скорбел по поводу того, что «кирка, бульдозер и топор» явились – и ломают то старое, намолненное, на чем есть отпечаток самой истории, а также жизни и быта горожан.

– Вы имеете в виду Калининский проспект или жертвы уже нового времени?

– Думаю, Булат Шалвович имел в виду всю территорию Государства Арбат со всеми его улочками и переулками, легендарной Собачьей площадкой, сквериками, двориками, старыми домами, которых бесконечно жаль. «Арбата больше нет: растаял, словно свеченька, /весь вытек, будто реченька; осталась только Сретенка. /Ах, Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеш: /надо, чтоб хоть что-нибудь осталось для души!» Он очень на это надеялся, и я тоже верю в то, что к Сретенке отнесутся бережнее, чем к Арбату, и лет через десять она станет не меньшим символом Москвы.

– И все же – об Арбате. На нем ведь не так много памятников, но два из них – Булату Окуджаве и Пушкину с супругой. Не будем касаться их качества, хочу спросить о другом: и Булат Шалвович, и Пушкины были арбатскими жителями... Вы, Ольга Владимировна, никогда себя не чувствовали немножечко Натальей Николаевной?

– (Пауза). О Боже! Никогда. Ни немножечко, ни немножечко. Хотя вопрос, конечно, интересный (смеется). Я подумала. А если серьезно... Они ведь прожили так мало! И не успели стать близкими друзьями, как мне кажется...

– Но ведь четверо детей – не шутка!

– Это не то, что сблизжает. В подобных случаях, скорее, разделяет... Хотя, конечно, трудно судить через столько лет. А потом, она смогла выйти замуж, что мне кажется совершенно безумием.

Ольга ОКУДЖАВА: БУЛАТ НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛИЛ БЫ СРАВНИВАТЬ СЕБЯ С ПУШКИНЫМ

ФОТО СЕРГЕЯ БЕТРОВА

– И все же какие-то параллели просто напрашиваются.

– Булат никогда не позволил бы сравнивать себя с Пушкиным. Даже в таком ироническом смысле.

– А что сейчас в арбатском доме, где жил Окуджавы?

– Ничего. Эта квартира кому-то принадлежит, в ней живут какие-то замечательные люди. Двор испоганен, превращен в котлован, там будет подземный гараж. Не осталось ничего, даже деревьев, которые когда-то Булат сажал с мальчишками.

– Но я своими ушами слышала, что вроде бы на Арбате собирались открыть музей Булата Окуджавы...

– Пока это более, чем миф. Или менее, чем миф. Мне неловко об этом говорить, но ведь действительно есть большой интерес к личности и творчеству Булата Окуджавы и у нас в стране, и за границей. Приезжая в Москву, лю-

ди бегают по Арбату в поисках какого-то места, где они могут всласть надышаться воздухом своей юности. Ведь про наш музей в Переделкине даже в Москве далеко не все знают, а уж приедем и вовсе не к кому обратиться, чтобы узнать, как туда проехать. Что же касается Арбата, то есть постановление правительства Москвы о строительстве музея и культурного центра. Есть кусочек земли, метров 250 квадратных, полупомойка, полупустырек за спиной памятника Окуджаве, где мы с архитектором Зоей Васильевной Харитоновой хотели создать что-то связанное с его памятью.

– И что вы планируете сделать на этих 250 метрах?

– Ничего не планируем, потому что их у нас отбирают. Были написаны сотни писем, которые подписывали Искандер, Ахмадулина, Битов, Аксенов, Баталов, Жванецкий,

– мы не получили ни одного ответа. Взамен нам предлагают отступные – взять в аренду на пять лет последний подъезд соседнего дома, где глухая стена без окон. Пять однокомнатных квартир-пеналов с одним окном, одна над другой, которые можно прекрасно сдать под офисы, набить себе кошельки – и поехать на Мальдивы отдыхать. Но как разместить там музей и культурный центр? А если нет, то зачем это бедным учителям из Калуги, врачам из Иванова, библиотекарям из Петербурга? Зачем это японским профессорам, которые мечтают прильнуть к тому образу, который им так интересен и дорог? У нас ведь есть своего рода «лакмусовая бумажка», на которой мы проверили надобность в таком музее. Это Переделкино.

– Расскажите, пожалуйста, об этом музее. Тем более раз даже москвичи о нем не знают.

– Он был создан, скорее, не благодаря, а вопреки. Такое нелюбимое дитя Министерства культуры и Международного литфонда. Сперва мы вообще существовали нелегально. Потом, путем большого прохиндейства, сумели положить письмо на стол тогда еще и. о. президента. А он возьми да и подпиши. И все сразу забегали: ах, как хорошо, мы все только об этом и думали! Нам дали статус, о котором мы даже и мечтать не смели, – государственного музея. У нас сейчас уже зашкаливает за 50 тысяч посетителей. Значит, есть в таком музее нужда, есть к нему интерес. Надо ведь еще добираться, электричка стоит огромных денег, а любящие Булата Окуджаву – как правило, люди небогатые.

– Как музей в Переделкине работает, как живет?

– И зимой, и летом – в четверг, пятницу, субботу и воскресенье, с 11 до 17 часов. Михаил Швыдкой недавно сказал, что удовлетворен, что за период его присутствия в должности министра культуры средняя зарплата работников музея поднялась до 6 тысяч рублей в месяц. Я, услышав это, тут же понеслась к нашему бухгалтеру и сказала: «Наталья Федоровна, как же так! А у нас-то всего по 2 тысячи двести». На что она мне ответила: «Швыдкой считает Грановитую палату, Зимний дворец, другие государственные музеи – и нас в том числе. Там получают по 10 тысяч, мы – по 2, в среднем выходит 6».

– Ходит ли в переделкинский музей молодежь?

– Конечно, например, школьники – целыми классами. Ведь творчество Булата Шалвовича входит в школьную программу.

– Добровольно – или их водят?

– Дети разные. Одним плевать на все. Другие ходят с интересом. Третьи, подготовленные родителями, – с уважением и любовью. Детей обычно отталкивает фальшь, а в нашем музее все натурально. Я думаю, это должно подкупать. А потом, у нас песни, гитара – это тоже ключик к детским душам.

– А вообще нужен им Окуджавы так, как был нужен нам?

– Думаю, что нет. Свою роль он сыграл именно в те годы. Окуджавы был не просто поэтом, но и таким нравственным подспорьем, костылем. Во всяком случае, для части общества.

– А как вам памятник на Арбате?

– Георгий Варганович Франгулян сделал достойный проект и выдержал серьезный конкурс. Но, насколько я знаю, при отливке пострадало лицо памятника. Обычно у скульптора есть время на доработку, а ему сначала сказали: ставим через год, а потом – через три дня, как у нас всегда бывает. Он обещал обязательно переделать лицо, как только будет время.

– Как Булат Шалвович относился к проблеме «художник и власть»?

– Ему трижды предлагали выдвигаться в депутаты, он трижды отказывался. Но, с другой стороны, он был дитя своего времени. И в нем очень часто просыпался гражданский зуд что-то изменить и быть полезным. В юные годы призванный под ружье, он так и остался солдатиком, который «шел в огонь и в дым». Его сейчас многие уличают в том, что он поддерживал Ельцина. Да, поддерживал, и очень искренне. Он действительно считал, что все новое лучше, чем тот лживый строй. Он готов был приветствовать людей, которые обещали это переменить, разрешили говорить правду, объявили свободу, покочили с фальшивыми лозунгами.

– Но ведь еще при жизни Окуджавы стало ясно, что большинство обещаний оказалось еще худшей ложью, что многие люди пострадали от того, что произошло...

– Да, он это видел и плакал над этим, но до конца так и не сумел понять, как из этого выбираться...

– Осталось ли пустым место, которое занимал в умах и сердцах Булат Окуджавы, или вы видите кого-то, кого, пусть условно, можно было бы назвать его преемником?

– Я не вижу. Но, думаю, необходимость в таком человеке не отпала.

Беседовала
Юлия РАХАЕВА